

MONGOLICA-XII

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 130-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова (1884–1931)

Д. Г. Кукеев

Об оседлых ойратских поселениях на территории Евразии

В статье говорится об особенностях ойратских оседлых сооружений периода позднего Средневековья, которые были возведены в среде кочевых ойратов, представляющих собой исчезнувший в XVIII в. кочевой народ Джунгарского ханства (современный Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР (СУАР КНР), Монголия, Кыргызстан, Казахстан) и проживающих на юге России калмыков. В статье описываются такие городки, анализируются их специфические особенности, приводятся данные об одном частично сохранившемся джунгарском поселении в Тарбагатае — городке Батур-Эрдэни-хунтайджи, располагавшемся на территории современного СУАР КНР.

Ключевые слова: ойраты, кочевники, Центральная Азия, «городки», сооружения, здания.

Ойраты представляли собой в XVII—XVIII вв. единую этническую общность родственных кочевых монголоязычных субэтносов на огромных пространствах Евразии. Они внесли заметный вклад в историю многих государств и народов, оставив отечественной науке малоизвестные оседлые сооружения. Однако постройки, возведенные этими кочевниками, привлекали до настоящего времени недостаточное внимание исследователей. Их изучение, несомненно, поможет более глубокому пониманию истории и культуры ойратов, населявших исчезнувшее в XVIII в. Джунгарское ханство в Центральной Азии, и калмыков, проживающих на юге России.

Батур-хунтайджи, правитель Джунгарского ханства, являлся не единственным организатором строительства городков у ойратов, поскольку стационарные строения имелись не только у кочевников Джунгарского ханства, оседлые поселения в виде городков-крепостей встречались в XVII в. и у хошутов Аблай-тайджи (т. е. у ойратов вне пределов Джунгарского ханства). При этом структура ойратских городков была схожая. К примеру, городок хошутского Аблай-тайджи по своей структуре был похож на городок джунгарского Батура-хунтайджи. В нем жили ламы и «бухарцы», которые выращивали зерновые культуры в окрестностях городка [Златкин, 1964. С. 182]. Архитектурное их сходство можно объяснить, предположив, что главными строителями обоих городков были тибетцы (рис. 1).

Большая часть ойратских оседлых поселений позднего Средневековья (городков-крепостей, строений религиозного назначения) зафиксирована именно на территории Джунгарского ханства, а не на других территориях проживания ойратов (побережья Кукунора и Волги). Недавно казахстанские историки начали исследование древних ойратских сооружений на территории Казахстана. Применяемые ими методики совмещают использование историко-топоними-

ческих данных дореволюционной и советской крупномасштабной картографии. Так, И. В. Ерофеева констатирует, что Юго-Восточный, Восточный и Центральный Казахстан, земли которого принадлежали Джунгарскому ханству, имеет большое количество малоизвестных и слабоизученных археологических памятников ойратского происхождения. К ним относятся развалины бывших джунгарских укреплений типа *торткуль*¹ и буддийских культовых сооружений (*сьомэ* или *кит*) [Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский, 2008. С. 27].

Хотя часто построение городков ассоциируется с сельскохозяйственным производством, считать джунгаров оседлым народом было бы неверно. Корректнее было бы указать на возникновение тенденции к оседлости. Важный момент при исследовании возникновения оседлых поселений у ойратов — определение причин их появления. Отметим мнение некоторых исследователей по данному поводу.

Такие поселения, построенные для ойратских кочевников, не являлись следствием развития сельского хозяйства в том масштабе, как это происходит у оседлых народов. У кочевого государства имелись возможности переселять людей, занимающихся сельским хозяйством, далеко в глубь своей территории, где они могли обрабатывать землю. Соответственно, такие городки строились по приказу «сверху». С какой же целью и исходя из каких мотивов велось их строительство? Вероятно, стимулом служило религиозное обоснование. По мнению Г. И. Слесарчук, строительством «городков» джунгарский правитель Батур-хунтайджи положил начало основанию осед-

¹ Т у р т к у л ь (төрткүл) — тюркизм, означает ‘четырёхугольный’, ‘четырёхугольник’ (турт/төрт — ‘четыре’, кул/күл — отымённый аффикс). Применяется к разным объектам, в том числе к развалинам древних крепостей и городищ [Киргизско-русский словарь, 1985. С. 261].

лых буддийских монастырей. Это, в свою очередь, являлось отражением усиленного распространения буддизма в Джунгарии, в частности, связанного с появлением в Джунгарии Зая-пандиты, который находился в дружеских отношениях с Батуром-хунтайджи [Слесарчук, 1973. С. 116]. Одну из причин строительства оседлых сооружений у ойратов И. В. Ерофеева видит в желании джунгарских правителей, на-

чиная с Батур-хунтайджи, основать прочные стационарные пункты в зонах постоянных контактов ойратов с соседними народами для организации эффективного контроля над транзитными кочевыми и торговыми путями в Кашгарию, Среднюю Азию и Китай [Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский, 2008. С. 44].

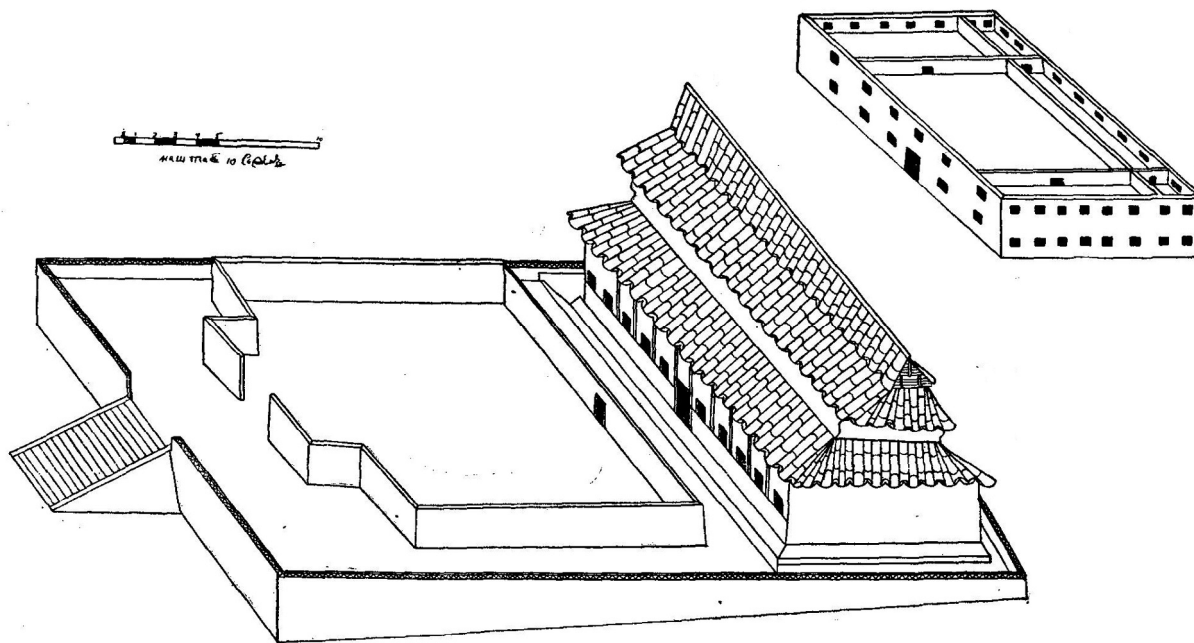

Рис. 1. План монастыря Аблай

Самыми известными исторической науке до конца XX в. в Центральной Азии являлись пять ойратских укрепленных буддийских комплексов: Дархан-Цорджин-кит¹, возведенный близким сподвижником Зая-пандиты ойратским ламой Дарханом-Цорджи-рабджамбой в месте расположения современного Семипалатинска (ныне г. Семей); безымянный городок Батура-хунтайджи (осн. в 40-х гг. XVII в.), расположенный в урочище Кобуксар, где в настоящее время находится одноименный административный центр одного из округов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР; т. н. Бороталинский монастырь (осн. в 40-х гг. XVII в.); храмовый комплекс в Кентском ущелье Каркалинского мелкосопочного массива, известный в исторической литературе под казахским названием Кызылкент (осн. в 1644 г.)²; и,

наконец, Аблаин-кит (осн. в 1655—1657 гг.), который был построен младшим братом хошутского Очирту-тайджи Аблаем-тайджи (ум. 1673) на территории его зимней ставки в северных предгорьях Калбинского хребта, в 70 км к юго-востоку от современного Усть-Каменогорска [Ерофеева, 2010. С. 496—497]. С последним сооружением связано начало российской тибетологии, когда в 20-х гг. XVIII в. в Аблаин-кит были обнаружены тибетские рукописи, вызвавшие большой интерес в кругах русских и западных ученых. [Воробьева-Десятовская, Савицкий, 1972. С. 149]. Отечественному востоковедению известен также так называемый «Галдан-Бошокту-хан-кит» (рис. 2), описанный у С. С. Черникова, однако отождествление этого строения с «Бошокту-хан-китом» может вызвать сомнения, поскольку неясно, на каких основаниях происходит такая идентификация. Например, его можно отождествить и с Бороталинским монастырем или с «Очирту-цэцэн-хан-китом». Таким образом, вопрос корректного отождествления строения с его принадлежностью к определенному ойратскому правителю остается все еще открытым и требует отдельного исследования. Из всех этих сооружений более подробно был описан Аблаин-кит: в 1654 г. о нем рассказал

¹ В литературе встречается и иное наименование: Семь палат, каменные мечети. Ж. О. Артыкбаев отождествляет его с Эрчисын-сюмэ, о котором писал в ойратском источнике Ратнабхадра [Артыкбаев, 2002. С. 144].

² К. Риттер, а также С. С. Черников считают, что это сооружение принадлежало Очирту-Цэцэн-хану ([Риттер, С. 141], взято из: [Черников, 1960. С. 134]). И. В. Ерофеева же полагает, что правильнее его именовать храмовым комплексом хошутского Кундулена-Убаши, при этом она ссылается на А. К. Мейера и отчет Ж. Е. Смаилова [Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский, 2008. С. 44]. Ж. О. Ар-

тыкбаев также пишет, что это сооружение принадлежало Кундулен-Убаши [Артыкбаев, 2002. С. 142].

Федор Исакович Байков, проживший у хошутского князя Аблая 7 месяцев и 7 дней и наблюдавший за его строительством. «Статейный список» Ф. Байкова был опубликован Г. Спасским в «Сибирском вестнике» за 1820 г. и Н. Сахаровым («Сказания русского народа», СПб., 1849 г. Т. II. С. 126) [Черников, 1960. С. 117]³.

О Дархан-цорджин-ките (или Семи Палатах) писали В. де Генин, В. Шишков и, наиболее подробно, Миллер. Предполагается, что построен он был торгутами к 1616 г. [Черников, 1960. С. 129].

³ Впоследствии, С. С. Черников опубликовал часть текста, взятого у Н. Сахарова, и пришел к выводу, что строительство Аблаин-кита началось в 1654 г. и продолжалось несколько лет [Черников 1960. С. 117]. В науке же первым указал на Аблаин-кит В. де Геннин в «Описании уральских и сибирских заводов» (М., 1837); затем есть сведения у Стралленберга (*Strahlenberg F. I. Das Nord — und Östliche Teil von Europa und Asien. Stockholm, 1730*) и Витсена (*Vitsen N. Noord en Oost Tartarie. Amsterdam, 1785*). Сведения из труда Витсена на русском языке имеются у В. Радлова («Сибирские древности». Т. I, вып. 3. СПб., 1891). Подробнее Аблаин-кит описал в 1735 г. геодезист Василий Шишков, посланный в Калбинские горы для разведки полезных ископаемых. Он представил общий план и рисунок еще целого тогда храма. Его описание хранится в архиве Академии наук СССР (Ф. 21. Оп. 5. № 163) и опубликовано В. Радловым [Черников, 1960. С. 120]. В 1734 г. описывали Аблаин-кит также Миллер и Гмелин, дополнив описание В. Шихова. В 1770 г. в Усть-Каменогорске был П. С. Паллас (*Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российской империи. Ч. II, кн. 2. СПб., 1786. С. 258*), отправивший для обследования своего студента Соколова. На тот момент в Аблаин-ките располагался эскадрон российской кавалерии. К 1811 г. от зданий Аблаин-кита остались уже стены, о чем сообщал Г. Спаский. После него это место посещал Лебедур, Чихачев в 1843 г. (*Tchihacheff P. A. Voyage dans l'Altai. Paris, 1845*), Влангели в 1851 г. (*Влангели. Географические поездки в восточную часть Киргизской степи. Т. I. СПб., 1853*), Радлов в 1865 г. (Отчет археологической комиссии за 1866 г. Архив ИИМК РАН. Д. 8. С. XXIV), В. Никитин в 1900—1901 гг. (*Никитин В. Краткое описание памятников древности Семипалатинской области. Изв. Императорской археологической комиссии. Вып. 2. 1902. С. 107*), А. А. Андрианов в 1928 г. (*Андрианов А. А. Материалы по археологии Усть-Каменогорского района // Труды Семипалатинского окружного музея. Вып. 2. 1929. С. 10*) и С. С. Черников в 1935 и 1937 гг. [Черников, 1960. С. 124]. Помимо перечисленного выше, об Аблаин-ките упоминается практически у всех авторов XVIII и XIX вв., так или иначе касавшихся истории и географии Верхнего Прииртышья (Левшин, Гумбольдт, А. Ремюза, Гуляев, Кастанье, Семенов-Тяньшанский и др.). [Черников, 1960. С. 124—125]. Из авторов XXI в. следует указать И. В. Ерофееву, В. Б. Бородаева, А. В. Контева (Результаты обследования ламаистских монастырей на Верхнем Иртыше геодезистом Василием Шишковым в 1737 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур). Материалы II Региональной конференции 26 октября 1999 г. Барнаул, 1996. С. 116—132) и Г. Щербика (Усть-Каменогорские предания. Усть-Каменогорск, 2003. С. 78, 80) [Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский, 2008. С. 52—53].

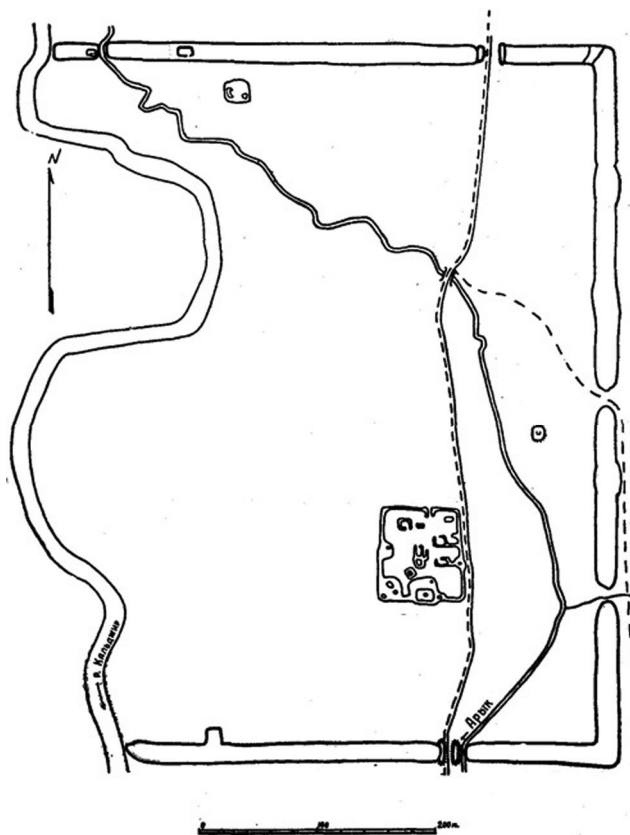

Рис. 2. План ойратского сооружения на р. Кальджир (Издано по: Черников С. С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков. С. 131)

К этому списку необходимо добавить еще три городка Батура-хунтайджи на территории современного СУАР КНР; сведений об их виде и назначении (являлись ли они буддийскими комплексами или фортификационными укреплениями) практически не имеется, в наличии лишь констатация их существования. Список ойратских сооружений не исчерпывается и этим — как уже отмечалось выше, последние исследования казахстанских ученых первого десятилетия XXI в. показывают, что на территории Центрального, Восточного и Юго-Восточного регионов Казахстана в середине XVII—начале XIX в. существовало 48 буддийских культовых комплексов и храмов [Ерофеева, 2009. С. 45]. Если же полагаться на карту И. Г. Рената, составленную на основе карты джунгарского правителя Галдан-Цэрена в 1734—1738 гг., то И. В. Ерофеева сообщает, что в Джунгарском ханстве имелось (по крайней мере, отображенных на карте) 65 культовых ойратских сооружений, расположенных в разных регионах ханства, из них 40 локализованы на территории современного Казахстана, 7 — в Кыргызстане и 18 — в пределах современного СУАР КНР [Ерофеева, 2009. С. 39]. По самому Казахстану можно отметить следующее: в Алматинской области Казахстана локализуется к 1733 г. 35 ламаистских комплексов, в Чуйской долине — 8 и в Южном Тарбагатае — 3 [Ерофеева, 2009. С. 40].

Говоря о функциональной нагрузке этих городков, И. В. Ерофеева отмечает, что она была тесно связана с особенностями распространения тибетской формы буддизма среди ойратов. Ссылаясь на утверждение И. Я. Златкина о том, что ламы в ойратских кочевьях ввиду их относительной малочисленности по сравнению с числом буддийских иерархов в Восточной Монголии не имели своих собственных кочевых улусов и проживали в основном при степных ставках ханов и влиятельных ойратских князей, она утверждает, что для многих кирпичных, сырцовых и каменных построек ойратов рассматриваемой эпохи было характерно совмещение в одном архитектурном комплексе крепости с храмом (или кумирней) и жилым помещением для лам [Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский, 2008. С. 35], что отличает их от ойратских построек на Волге, речь о которых будет ниже.

Отметим, что вопрос о возникновении и существовании городков Джунгарского ханства XVII в. мало изучен. В отечественном монголоведении непосредственно к данной проблематике обращалась только Г. И. Слесарчук [Слесарчук, 1973. С. 113—116], отмечавшая, что только русские архивные материалы дают некоторое представление о «городском строительстве» в Джунгарии на примере «городка» Батура-хунтайджи, в то время как монгольские источники ничего об этом не сообщают. Что касается средневековых китайских источников, то хочется отметить, что они также не дают сведений о «городке» Батура-хунтайджи, хотя на данный момент и имеется статья на китайском языке, посвященная этому городку⁴. У представителей японского ойратоведения имеется также статья Онума Такахио, в которой строительство городков в Джунгарском ханстве и вклад в коммерческую деятельность Джунгарского ханства уйгурских жителей Джунгарии рассматривается как важная составляющая в явлении, именуемом как «последняя кочевая империя» [Onuma, 2011. P. 83—100]⁵.

⁴ В ойратоведении КНР имеется статья Е-эр-да, посвященная этому «городку» — основные исторические сведения по этому сооружению автор статьи черпал из переведенных на китайский язык трудов И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства» и сборника документов «Русско-монгольские отношения». В его статье вызывает интерес сообщение о том, что имеются взятые из преданий, сохранившихся у местных жителей старшего поколения ойратского происхождения, сведения о том, что сохранившийся до наших дней «городок» был построен именно при джунгарском Батуре-хунтайджи [Е-эр-да, 2012. С. 501].

⁵ Автор этой статьи в качестве источников по ойратским сооружениям XVII в. использует русскоязычные материалы, что связано с отсутствием сведений по интересующей нас теме в китайских источниках. Интерес вызывает взгляд Онума Такахио на оседлые сооружения в Или XVIII в., отраженный в его труде. Он разделяет мнение Мано Эйцзи, считающего, что для сильных государств Центральной Азии была характерна оригинальная комбинация двух факторов — военной силы кочевников и экономической силы жителей оазисов, и рассматривает джун-

В русских же источниках о некоторых городках Джунгарии (в районе Тарбагатая) сообщается в документах Сибирского приказа, представленных отписками тобольских, тюменских, тарских воевод и статейными списками служилых людей, ездивших к джунгарскому правителю Батуру-хунтайджи.

Г. И. Слесарчук отмечает, что первое упоминание о городке Батура-хунтайджи в русских документах относится к концу 1636 г., когда 26 сентября в Джунгарию выехал тобольский сын боярский Филипп Обольянинов с «товарищами» для переговоров о возвращении барабинских ясачных татар. К их сожалению, они не встретились с джунгарским правителем, поскольку Батур-хунтайджи на тот момент находился в походе. Ф. Обольянинов слышал, что Батур ходил в Китай и привез оттуда 5 каменщиков с целью «на мунгальской границе ставить каменный город» [Слесарчук, 1973. С. 113].

Второе известие о джунгарском городке датируется 25 июня 1638 г., когда из Тары были посланы к Батуру-хунтайджи конный казак Астафий Мартынов и юртовский служилый татарин Аллагулка — вновь для переговоров о возвращении барабинских татар. В своем доезде от 8 ноября 1638 г. они сообщали, что в улусе Батура имелся пленный из Тарского города Михаил Черкашенин, который им говорил, что хунтайджи поставил в урочище Кубаксары каменный городок «и ставит другой» и что возводили оба городка китайские люди. Третьим известием явилось сообщение конного казака Алексея Кунавина (28 июля 1638 г.) Батуру-хунтайджи о том, что ему были предоставлены китайцами 8 мастеров-каменщиков [Слесарчук, 1973. С. 114]. Я считаю, что русские посланцы именовали каменщиков китайцами ошибочно, и вполне возможно, что это были тибетцы, поскольку в этот период связи между представителями ойратской знати и Тибетом отличались значительно более частыми, нежели с Китаем, контактами и взаимовлиянием, что выражалось не только в духовном, но и материальном плане.

Из всех этих трех известных исторической науке посланцев в городок Джунгарского ханства самым детальным его описанием отличились А. Мартынов и Аллагулка, которые не только были в городке, но и прожили там шесть недель [Материалы... 1974. С. 151]. Как отмечает Г. И. Слесарчук, все остальные посланцы к Батуру-хунтайджи после 1638 г. останавливались в его улусах. Сам Батур хунтайджи обычно кочевал около своих городов, которых, по свидетельству тобольского конного казака Григория Ильина, в 1644 г. было уже четыре, и располагались они друг от друга на расстоянии дневной езды.

Приведем данные о том, что представлял собой городок, о котором писали русские посланцы. А. Мартынов сообщал, что город был построен из камня и имел четыре стены, окружавшие его со всех сторон. Высота стен — 2 сажени (432 см), а длина — 50 са-

гарские городки (Гулз, Хайнук) в Или как символ описанной выше комбинации [Onuma, 2011. P. 83—100].

женей (108 м). Интересно также, что вокруг этого городка не имелось ни рвов, ни надолб. В городе жил лама по имени Усычи (в «Материалах по истории русско-монгольских отношений» говорится, что его звали Уемчи [Материалы... 1974. С. 150], что ближе к ойратскому *эмчи* 'врач'. — Д. К.), а также 300 человек различного происхождения и вероисповедания с женами и детьми — китайцы (я склонен видеть, что это были тибетцы, поскольку А. Мартынов вряд ли мог видеть их отличие от китайцев. — Д. К.), монголы и бухарские пленники, которые занимались земледелием. Этот городок имел на вооружении 4 небольшие пушки длиной по 4 пяди с ядром по фунту, которые, видимо, были китайского производства [Слесарчук, 1973. С. 115].

Что касается функциональной нагрузки городка-крепости в Кобуксаре, то следует отметить, что И. Я. Златкин, ссылаясь на сведения одного из русских послов, направленных тобольскими воеводами летом 1640 г. к Батур-хунтайджи, утверждает, что урочище Кобук-Саур и сам городок Батур-хунтайджи признавал границей между Восточной Монголией и его собственными владениями; он находится южнее реки Черный Иртыш, между озерами Зайсан и Улюнгур (может быть Урунгу. — Д. К.), несколько к югу от них [Златкин, 1964. С. 166—167]. Таким образом, это строение, как предполагается, также выполняло функции пограничного городка и было построено не только с целью закрепления данной территории за джунгарами, но также и с целью контроля этой зоны контактов ойратов с не-ойратскими племенами. Джунгарский правитель Батур-хунтайджи с энтузиазмом относился к своим начинаниям по строительству городков — он просил русские власти прислать ему из России каменщиков, ремесленников, плотников и других мастеров. Однако дальнейшего развития они не получили: последний раз один из 4 городков упоминается в статейном списке Ф. Байкова 1654 г., считается, что после смерти Эрдэни-Батура-хунтайджи они потеряли свое значение и захирели [Материалы... 1974. С. 417]. У некоторых исследователей этот городок наделяется особенной значимостью, превращаясь в столицу Джунгарского ханства в период правления Батура-хунтайджи в XVII в. [Барфилд, 2009. С. 420].

Отсюда мы можем сделать вывод, что благодаря письменным отчетам непосредственных свидетелей, живших в XVII в. и бывших гостями у ойратов, наиболее полно отражены два ойратских сооружения — это сооружения Аблая «Аблаин-кит» и сооружение Эрдэни-Батура-хунтайджи в Кобуксаре.

Что касается столицы Джунгарского ханства в XVIII в., то нам встречаются довольно частые упоминания о том, что в XVIII в. таковой уже становится Или [History of Civilization, 2003. P. 165; Мэнгу минцзу, 2002, IV. С. 169]. К. Риттер отмечает, что центром ханства регион Или стал в конце XVII в., когда джунгарский правитель Цэван-Рабдан в конце 90-х гг. XVII в. перенес свою ханскую ставку из Южного Тарбагатая (зимовки) и Джунгарского Ала-

тау (летовки) в долину верхнего течения Или и ее притоков Шарына и Хоргоса, а также в долину реки Текес [Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский. 2008. С. 21—22]. В. А. Моисеев же считает, что ставка ханов и основные кочевья были перенесены с Иртыша в бассейн р. Или при впадении в нее р. Текес в период правления Галдан-Бошукту-хана, т. е. во второй половине XVII в. [Моисеев, 1991. С. 54].

Вопрос о центре ханства в Или в XVIII в. остается до настоящего времени спорным, поскольку есть свидетельства, что Или была таковым центром и в XVII в. Примером может являться то, что в начале 60-х гг. XVII в. ставка преемника Батура-хунтайджи Сэнгэ находилась на реках Осуг и Саамал, которые Ш. Норбо находит в Алматинской области Казахстана [Норбо, 1999. С. 85], а это территория Или. Регион Или должен был иметь ойратские сооружения, к сожалению, до наших дней они не сохранились.

Одним из первых на них указал Г. Н. Потанин, ссылаясь на сведения «Архива областного правления сибирских киргизов в Омске». Он писал, что в Джунгарии в XVIII в. имелось 4 оседлых ойратских поселения: 1. «Колзу-Хаиняк-Бак» (возможно, это искаженное Гулз-Хайнук, о котором речь пойдет ниже. — Д. К.), который был обнесен глиняной стеной высотой вровень с человеком, сидящим на лошади. Г. Н. Потанин утверждает, что внутри этого «города» располагались сады ойратского правителя Галдан-Цэрена (1727—1745); 2. «Городок Нойона Септеня», расположенный у северной подошвы хребта Ирен-Хабирга; 3. Поселение, принадлежащее нойону Давачи на р. Емил, которое иногда в русских документах упоминается под названием Турфановых пашен; 4. Поселение на р. Кара-Буга, у северной подошвы Тарбагатая. При этих оседлых поселениях постоянно жили «пашенные бухарцы», занимающиеся посевами [Потанин 1868. С. 2].

Дореволюционный академик Фальк же подтверждал наличие трех сооружений в долине Или: монастыря Цаган-Сумэ у речки Дергаланг, Майдары на р. Кайнух (по-видимому Хайнук. — Д. К.) близ левого берега р. Или и кумирни в 6 верстах от Каргоса на р. Аминьту [Черников, 1960. С. 134].

В отличие от свидетельств дореволюционных исследователей, китайские источники сообщают нам лишь о двух сооружениях, которые в ойратской среде пользовались популярностью как сооружения религиозного характера, — это два храма вдоль реки Или, отмечая при этом, что здесь была не только столица Джунгарского ханства в XVIII в., но также и религиозный центр джунгаров. На северном берегу реки Или был построен храм Кульджа (Гулз, также именуемый синьцзянскими ойратами как Алтан деврте сямэ (т. е. Храм с золотой крышей)). Н. Н. Пантусов во второй половине XIX в. отмечал, что, по рассказам высокопоставленных китайцев Илийской долины, этот храм был построен около сада Гульчанбак на горе и по-китайски назывался Дчин-дынсы (правильнее «цзинь-дин-сы» 金顶寺. — Д. К.), что значит Храм с золотой крышей), а на южном бе-

регу реки был построен храм Хайнук (также известный как Мунген дееврте сямэ (т. е. Храм с серебряной крышей)), Н. Н. Пантусов писал, что он был воздвигнут около селения Кайнак и назывался Индин-сы — 银顶寺 Храм с серебряной крышей), что он был высотой в 3 этажа и был окружен стеной; само здание было покрыто белой кошмой, а стена покрыта тканью [Археология Семиречья, 2011. С. 508]. Также там отливались изображения, которые покрывались золотом. В Храме совершались пожертвования ламам драгоценной жертвенной посудой [Мэнгу минцзу, 2002. IV. С. 169]. По мнению С. Пурэвдоржа, начало строительства храмов Гулз и Хайнук связано с 1671 г., когда ойратским ханом стал Галдан. Оба монастыря были укомплектованы книгами и культовыми предметами, привезенными Галданом из Тибета [Очир, 1992. С. 84]. Н. Н. Пантусов ссылаясь на неких высокопоставленных китайцев, писал, что эти два монастыря были построены при жизни ламы Ноина-Камбу, жившего на реке Кегень, именуемой так в его честь, и ушедшего из жизни в XVIII в. Его могила, именуемая казахами «Ак-там» находилась между Джаркентом и Каракульдеком [Археология Семиречья, 2011. С. 508—509]. Японские исследователи Ханэда Акира и Онума Такахиро полагают, что строения Гулз (Алтан дееврте сямэ) и Хайнук (Менген дееврте сямэ) были воздвигнуты не в XVII в., а в XVIII в. и общее количество священнослужителей составляло 6 тысяч человек, возглавляемых 4 главными ламами, именуемыми *шурету* [Onuma, 2011. P. 88].

Цинский современник Фу Хэн 傅恒 в своем труде «Сиюй тучжи» 西域图志, изданном в 1782 г., отмечал, что ежегодно в канун [буддийского] Нового года и в середине лета верующие как издалека, так и из ближайших мест собирались у этих храмов, преподносили драгоценные камни, золото и серебро для украшения храмов [History of Civilization, 2003. С. 173]. К сожалению, храм Гулз (Кульджа) был разрушен во времена восстания Амурсаны (1755—1758 гг.) [Чжуньгаэр шилуэ, 2007. С. 225], что подтверждают данные уйгурского сочинения XVIII в. «Асар ал-футух» [Кутлуков, 1987. С. 70].

Однако копия этого храма, именуемая по-китайски Аньюань-мяо (安远庙 Храм, умиротворяющий отдаленные территории), была вновь отстроена в 1764 г. в Комплексе Императорских Летних дворцов в Чэндэ для нужд людей ойратского князя Даши-Давы, которые были расселены в местности Жэхэ (12 тысяч человек) (рис. 3). Этот храм располагается на восточном берегу р. Уле (武烈河) и занимает территорию 0,5 км. в окружности, с воротами, выходящими на каждую сторону света. Главное здание этого храма, Пуду-хол (普度殿), — трехэтажное здание с 2-козырчатый и фронтоным коньком крыши, покрытой отполированной черепицей черного цвета. Внутренний архитектурный вид этого величественного храма передает ощущение грандиозности и величия, и поэтому нетрудно представить, что представлял собой храм Гулз в Джунгарском ханстве [Chayet, 2004. P. 39; History of Civilization, 2003. P. 540].

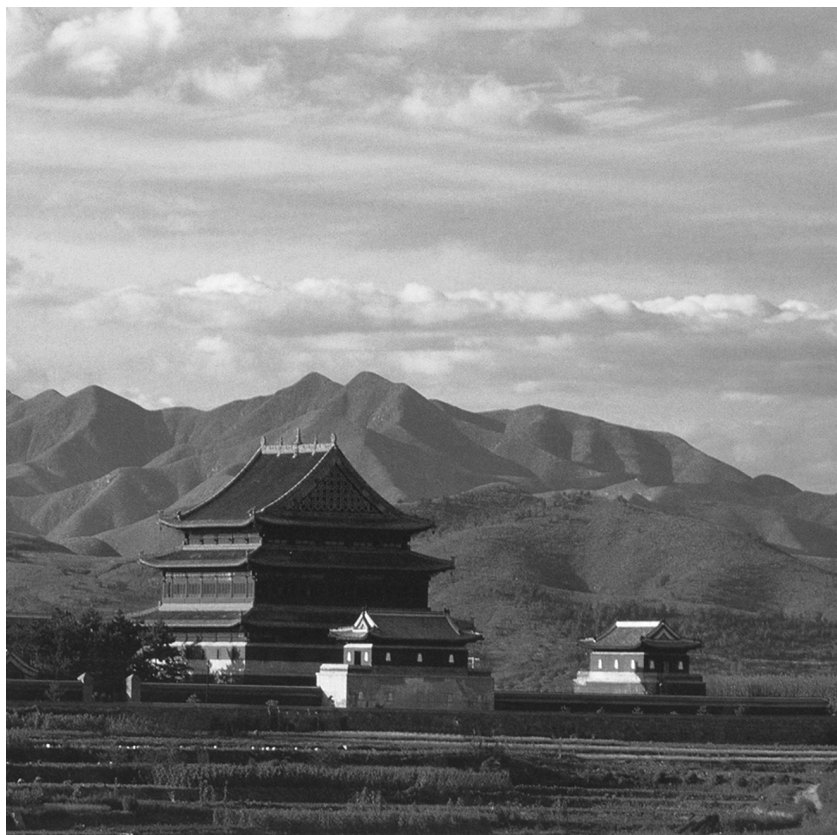

Рис. 3. Копия храма Гулз (Кульджа) в Чэндэ под названием Аньюань-мяо (Издано по: Цинди юй бишушаньчжуан — Чжунго Чэндэши вэнь-у цзюбянь. Пекин, 2003. С. 190—191)

А о храме Хайнук на сегодня у нас есть лишь одно свидетельство из уйгурского источника «Асар ал-футух» («Следы завоеваний»), написанного между 1780—1790 гг. уйгурским летописцем Мухаммад Имин Садр Кашгари. Он отмечает, что во второй половине 50-х гг. XVIII в. уйгуры ходжи Джахана, по указанию ходжи Бурхан ад-Дина, предприняли шесть походов против непокорных ойратских правителей и разрушили знаменитые буддийские храмы в Кульдже и Хайнуке [Кутлуков, 1987. С. 70].

Примечательной чертой этих двух сооружений является особенность их размещения — они располагаются вдоль рек. Городок Батур-хунтайджи в Кобуксаре характеризовался также русскими посланцами: «...около того городка — с одну сторону болото, а с другую сторону речка, а с той же речки, как понадобится вода, пускают сквозь городок...» [Материалы... 1974. С. 150—151], что говорит об искусственной системе водоснабжения. Однако вода не только выполняла функции, необходимые для удовлетворения бытовых нужд проживающего там населения, но и носила стратегический характер. Как отмечает Питер Пердью, местоположение этих рек имело огромное значение для правителей Джунгарского ханства, которые должны были извлекать необходимые ресурсы из небольших долин рек и оазисов. В долине Ферганы имелись важнейшие города, такие как Коканд и Андижан. Далее на севере соединялась река Или с озером Балхаш, которое объединяло джунгарскую степь с киргиз-казахской степью. В Монголии, начиная с района современного Улан-Батора, реки Орхон и Селенга текли на север в озеро Байкал, а река Керулен текла в озеро Хулун [находящееся на территории] современной Внутренней Монголии [Perdue, 2005. P. 23]. История ойратов имела тесные связи со всеми этими местами.

Тенденция строительства столицы в долине реки характерна не только для ойратов, но и для многих кочевых империй: каждая из влиятельных степных империй размещала свою политическую и духовную ставку в одной из долин названных рек. Американский синолог считает, что реки Селенга и Орхон служили в качестве ставки не только для Восточных уйгуров, Уйгурской империи, но и, позднее, для империи ойратов [Perdue, 2005. P. 23]. Это весьма интересное наблюдение, если учесть тот факт, что на реке Хангуй (или Хануй) в аймаке Архангай Монголии обнаружены остатки городка, именуемого «Хар-Хул-хааны балгас» (город хана Хара-Хулы) [Rogers, Ulambayar, Gallon, 2005. P. 809].

Другой же особенностью ойратской архитектуры позднего Средневековья в Центральной Азии является наличие фортификационных элементов, которые иногда отождествляются с караульными пунктами («шибе», «калунь» или «камал») [Ерофеева, 2008. С. 35]. Казахстанские исследователи отмечают, что к середине XVIII в. на территории Южного и Юго-Восточного Казахстана (до бассейна р. Каратал) находилось более 19 таких джунгарских караульных постов [Ерофеева, 2008. С. 40], причем не

все они исчезли, а некоторые из них локализованы [Ерофеева, 2008. С. 203—208]. Подробнее об одной из новых находок этого вида архитектурных сооружений у ойратов сообщает И. В. Ерофеева на примере комплекса Калмактобе с фортификационным сооружением, открытым и частично исследованным в 2005—2007 гг. научной экспедицией Свода памятников Алматинской области (ныне КазНИИ ПКНН). Данные экспедиции по этому памятнику сообщают, что этот комплекс занимает левый возвышенный берег р. Сарыбулак и состоит из группы разных сооружений: окруженное оборонительной стеной укрепление (50×50 м), нескольких обособленных построек (12×15 м и 15×17 м), сооружений ирригационных и водоснабжения [Ерофеева, 2008. С. 119—120]. Хочется заметить, что здесь проходит очень тонкая грань, по которой сложно отличить, является ли комплекс Калмактобе караульным постом или «городком»-китом, как Аблаин-кит, поскольку и в Аблаин-кит, и на сооружении на р. Кальджир, именуемом у С. С. Черникова как Бошухту-хан-хит, также имеются укрепления, несколько строений и арыки-каналы. В этой связи следует отметить, что классификация ойратских сооружений на храмы-городки (*кит*), караульные пункты (*шибе*, *калунь*, *камал*) требует дальнейшего исследования, поскольку для всех них характерно наличие оборонительной стены, некоторого количества построек и системы водоснабжения. Не вполне соответствует по отношению к ойратским сооружениям и классификация, данная Д. Майдаром и Д. Б. Пюрвеевым и применяемая к оседлым сооружениям Монголии, специфические условия которой предопределяли развитие стационарных поселений монголов трех типов: города (столицы, торговые и ремесленные центры), крепости (военные поселения) и монастыри [Майдар, Пюрвеев, 1980. С. 79].

Что касается ойратских сооружений в России, то калмыками также сооружались оседлые поселения, и, в отличие от ойратских сооружений в Центральной Азии, их можно характеризовать как религиозные сооружения без фортификационных элементов. Науке известно, что начало их возникновения у калмыков датируется несколькими датами: 1798 г. — основанием оседлого хурула в урочище Цаган-Аман Багацохуровского улуса Очир-ламой; 1800 г. — построением Дээд-ламна-хурула Сойбин-ламой в Малодербетовском улусе и 1805 г. — строительством Сере-Джан Рацан малого хурула или зюнгаровского в Ики-цохуровском улусе [Борисенко, 1994. С. 3]. Самым известным и сохранившимся до наших дней является Хошеутовский хурул — относительно большое здание в нынешней Астраханской области у с. Речное Харабалинского района, из кирпича, с колонадой, напоминающее Казанский собор в Петербурге [Житецкий, 1991. С. 57] и построенное в честь участия калмыков в Отечественной войне 1812 г.

Хошеутовский хурул является интересным примером совмещения традиций, в основу композиционной схемы которого была заложена композиция

Казанского собора. Автор проекта Хошеутовского хурула Батур-Убаши-Тюмень, приняв за основу план Казанского собора, переработал идею применительно к культуре калмыков, использовав декоративные элементы буддийской культовой архитектуры в виде большого выноса карнизов и изменения угла наклона крыш, причудливого изящного абриса линий, завершающихся ярусами башен, расположения цепи деко-

ративных элементов в виде полумесяцев, наверху в виде субурганов [История Калмыкии, 2009. Т. III. С. 42]. Особое значение имеет своеобразная модель субургана в качестве завершения башен (рис. 4), в связи с чем некоторые исследователи предполагают, что это явилось прецедентом и послужило примером для повторений в архитектуре последующих калмыцких храмов [Борисенко, Мошулдаев, 1989. С. 13].

Рис. 4. Хошеутовский хурул в Астраханской области

И. А. Житецкий к концу XIX в. отмечал, что оседлые построения характеризуют: 1) Мало-Харасусовский хурул (уроч. Сухата), где первая постройка относится к 40-м гг. XIX в.; 2) Эркетеновский Эки-Багутовский хурул с 60-х гг. XIX в.; 3) Большой Баруно-Керетовский хурул (уроч. Гахата) с «эки-хурля» в тибетском стиле, возведенный в 1879 г. с двумя постройками. В этом хуруле все духовные лица имеют зимние деревянные постройки и при них теплые глинобитные кухни. И на урочище Башта выстроены в 1880-х гг. «ламин-ширя» в честь улусного ламы и 6 жилых построек для гелюнгов; 4) Мало-Шабинеровский хурул; 5) Малый Керетовский хурул; 6) Большой Эркетеновский хурул (построены в 1880-х гг.); 7) Малый Эркетеновский хурул с деревянной хурля; 8) Бакшинов хурул в Икицохуровском улусе (построен в 1884 г. в урочище Яшкуль); 9) Зюнгаровский хурул (в урочище Яшкуль); 10) Цаатанов хурул (построен в 1884 г. на урочище Чилгир); 11) Ики-хурул Малодербетовского улуса (построен в 1850-е гг. на урочище Аршан); 12) Дунду-хурул Малодербетовского улуса, построенный в 1850-е гг., И. В. Борисенко локализует его вблизи оз. Ханата, славившегося как центр религиозных живописцев — зурачей, искусных мастеров резьбы по дереву, которой они украшали многие предметы культа [Борисенко, 1994. С. 4]. Здесь интересно отметить, что к концу 1880-х гг. кибитки-кухни стали заменять глинобитными круглыми кибиткообразными постройками. Одна из построек — изящное деревянное здание в тибетском стиле. Этот

хурул славен известным калмыцким путешественником Бааза-баакши Мэнкэджуевым (1846—1903), написавшим изданную в Петербурге в 1897 г. книгу «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского Бааза-бакши» [Борисенко, 1994. С. 4—5]; 13) Большой Тюменев хурул в Хошеутовском улусе с каменным зданием; 14) Хурул на Калмыцком Базаре в тибетском стиле, в нем бывал и выступал с лекцией востоковед А. М. Позднеев [Борисенко, 1994. С. 5]. Касаясь архитектуры, И. А. Житецкий отмечал, что калмыцкое духовенство стремилось придерживаться тибетской архитектуры, но поскольку рабочими при построении были русские, то в редких случаях удавалось приблизиться к тибетскому типу. Чаще же только одна верхняя часть постройки отвечала таковым требованиям. [Житецкий, 1991. С. 56—57].

К этому списку следует добавить хурулы XX в. Это Багачоносковский хурул в урочище Бодек, с главным деревянным сюзэ на каменном фундаменте, построенным в 1904 г. [Борисенко, 1994. С. 5]. Цаган-Аманский хурул, стоявший на левом берегу Волги и состоявший из трех сюзэ, возводившийся в течение всего XIX в. [Борисенко, 1994. С. 5]. Багатуртунский хурул Большедербетовского улуса Ставропольской губернии, возведенный к 300-летию Дома Романовых, в его проектировании участвовали иностранные архитекторы. Славился тем, что купол был виден на расстоянии 15—20 км [Борисенко, 1994. С. 6].

Хурулы на Дону. Деревянные храмы, построенные в Донской области, несколько отличаются от таковых

же, отстроенных в центральной части калмыцких степей. В качестве примера специалист по архитектуре Калмыкии Д. Б. Пюрвеев показывал, что архитектура трехъярусного Платовского хурула в нынешней станции Буденновской (раньше Платовской) Пролетарского района Ростовской области более сдержанна в пластическом отношении при сравнении с другими храмами калмыцких степей. Его архитектурные элементы четко подчеркивали конструкцию объемов, и в нем отсутствовали внешние декоративно-художественные фрагменты [Пюрвеев, 1975. С. 70].

Пользовался популярностью среди калмыцкого населения Батлаевский хурул. Денисовский же хурул располагался на правом берегу речки Баглай и выделялся пагодным членением крыш, как и Хошеутовский хурул. Другие же хурулы Калмыцкой степи с такой крышей в Астраханской губернии не встречались. Примечателен Старочеркасский хурул, стоявший вблизи «донской Венеции» — Старочеркаска, который являлся своеобразной столицей донских казаков с 1644 по 1805 г. [Борисенко, 1994. С. 8].

Хурулы на Тереке. В низовьях Кумы, вблизи своих оседлых поселений, терские калмыки организовали два хурула — большой и малый, каждый со своей казачьей охраной. Терские хурулы, как и донские, были независимы от ламы астраханских калмыков. Храмы терских калмыков посещал А. М. Позднеев [Борисенко, 1994. С. 9], отчет которого хранится в Архиве Института восточных рукописей РАН (фонд Позднеева).

Итак, ойратские сооружения XVII—XVIII вв. на территории нынешних Казахстана и СУАР КНР

строились тибетцами, которых русские послы ошибочно именовали китайцами. Для ойратских построек в Центральной Азии характерно то, что в них проживали представители духовенства, земледельцы и военные. Однако все еще остаются открытыми некоторые связанные с правильным отождествлением вопросы, а именно корректная локализация и правильное отождествление с описываемыми в различных источниках храмами. Например: является ли построение на р. Кальджир при впадении в нее речки Орды «Бошокту-хан-китом»? Является ли построение в Кентских горах «Очирту-хан-китом» или сооружением Кундулен-Убаши? Является ли храм Майдара у Фалька храмом Хайнук или Менген дееврте сүмэ? И т. д.

Оседлые постройки калмыков XIX—XX вв. относились к религиозно-культовым типам сооружений и имели элементы русской архитектуры. Такое влияние объясняется удаленностью Калмыкии от Тибета и тем, что строителями являлись русские рабочие.

Дальнейшие исследования могут привести к новым открытиям, которые могут стать посылком к изучению феномена ойратской архитектуры (не только фортификационных сооружений XVII—XVIII в., но и других видов архитектурной деятельности — особенно религиозно-культовой XIX и начала XX в.), рассредоточенной на огромном евразийском пространстве: от удаленных районов Кукунора и Монголии, Казахстана, Кыргызстана до низовьев Волги.

Использованная литература

- Артыкбаев, 2002: *Артыкбаев Ж. О.* Кызыл-Кенчский дворец — малоизвестный памятник калмыцкой архитектуры в Центральном Казахстане // Монголоведение. № 1. Элиста, 2002 (*Artykbaev Zh. O.* Kyzyl-Kenchskiy dvorets — maloizvestnyi pamyatnik kalmyckoy arkhitektury v Tsentral'nom Kazakhstane // Mongolovedeniye. #1. Elista, 2002).
- Археология Семиречья, 2011: Археология Семиречья. 1857—1912 гг.: Сб. документов и материалов / Сост. И. М. Самигулин. Алматы, 2011 (*Arkheologiya Semirechiya. 1857—1912 gg.*: Sbornik dokumentov i materialov / Sost. I. M. Samigulin. Almaty, 2011).
- Барфилд, 2009: *Барфилд Томас Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э.—1757 г. н. э.). СПб., 2009 (*Barfield Thomas.* Opasnaya granitza: kочевиye imperii i Kitai (221 g. do n. e.—1757 g. n. e.). SPb., 2009).
- Борисенко, 1994: *Борисенко И. В.* Храмы Калмыкии: Альбом. Элиста, 1994 (*Borisenko I. V.* Hramy Kalmykii: Al'bom. Elista, 1994).
- Воробьева-Десятовская, Савицкий, 1972: *Воробьева-Десятовская М. И., Савицкий Л. С.* Тибетоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972 (*Vorob'yeva-Desyatovskaya M. I., Savitzskiy L. S.* Tibetovedeniye // Aziatskiy muzei — Leningradskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya AN SSSR. M., 1972).
- Ерофеева, 2009: *Ерофеева И. В.* Памятники тибетского буддизма середины XVII—первой половины XVIII века в Казахстане: новые исследования и находки // Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. материалов науч.-практ. конф. Алматы, 2009 (*Yerofeyeva I. V.* Pamyatniki tibetskogo buddizma serediny 17—pervoi poloviny 18 veka v Kazakhstane: novye issledovaniya i nahodki // Nauchniye chteniya pamyati N. E. Masanova: Sb. mat-lov nach-prakt. konf. Almaty, 2009).
- Ерофеева, 2010: *Ерофеева И. В.* История формирования культового комплекса Тамгалытас (1677—1771 гг.) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. материалов Международной науч. конф., г. Алматы, 23—24 апреля 2009 г. Алматы, 2010 (*Yerofeyeva I. V.* Istoriya formirovaniya kul'tovogo kompleksa Tamgalytas (1677—1771 gg.) // Rol' nomadov v formirovaniy kul'turnogo naslediya Kazakhstana. Nauchniye chteniya pamyati N. E. Masanova. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii. g. Almaty, 23—24 aprelya 2009 g. Almaty, 2010).
- Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский, 2008: *Ерофеева И. В., Аубекеров Б. Ж., Рогожинский А. Е. и др.* Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Алматы, 2008 (*Yerofeyeva I. V., Aubekеров B. Zh., Rogozhinskiy A. Ye. i dr.* Anyrakaiskiy treugol'nik: istoriko-geograficheskiy areal i khronika velikogo srazheniya. Almaty, 2008).
- Е-эр-да, 2012: *乌. 叶尔达.* 论准葛尔古城 // 拉特蒙古历史文化研究: 第七届全国卫拉特蒙古历史文化学术研讨会论文集. 乌鲁木齐: 人民出版社, 2012. *Е-эр-да.* У. Лунь чжунь-

- гаэр гучэн // Вэйлатэ-мэнгу лиши вэньхуа яньцзю: Ди чи цзе цюаньго вэйлатэ-мэнгу лиши вэньхуа сюэшу яньтаохуэй луньвэньцзи. Урумчи, 2012 (*Ye-er-da Wu. Lun' zhungaer gucheng // Weilate-menggu lishi webhua yanjiu: Di qi tsze tsuan'go weilate-mengu lishi wen'khua sueshu yan'taohuey lun'wen'yszi. Wulumuqi, 2012*) (*Эр-дя У. О древнем джунгарском городке // Исследования по истории и культуре ойрат-монголов: Материалы 7-й Всекит. исследоват. конф. по истории и культуре ойрат-монголов*). Урумчи: жэньмин чубаньшэ, 2012) (*Erdya U. O drevnem Jungarskom gorodke // Issledovaniya po istorii i kul'ture oirat-mongolov: Materialy 7-i vsekitaiskoj issledovatel'skoj konferencii po istorii i kul'ture oirat-mongolov. Urumchi, 2012*).
- Житецкий, 1991: *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения. 1884—1886 гг. Репринтное издание с 1893 г. Элиста, 1991 (*Zhiteckiy I. A. Ocherki byta astrakhanskih kalmykov. Etnograficheskie nablyudeniya. 1884—1886 gg. Reprintnoye izdaniye s 1893 g. Elista, 1991*).
- Златкин, 1964: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964 (*Zlatkin I. Ya. Istoriya Dzhurgaskogo khanstva (1635—1758). M., 1964*).
- Киргизско-русский словарь, 1986: Киргизско-русский словарь (сост. проф. К. К. Юдахин). Т. I. Фрунзе, 1985 (*Kyrgyzsko-russkiy slovar' / Sost. prof. K. K. Yudahin. T. I. Frunze, 1986*).
- История Калмыкии... 2009. Т. III: История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. III.
- Майдар, Пюрвеев, 1980: *Майдар Д., Пюрвеев Д.* От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980 (*Maidar D., Puryevyev D. Ot kочеvоj do mobil'noy arkhitektury. M., 1980*).
- Материалы... 1974: Материалы по истории русско-монгольских отношений 1636—1654: Сб. документов. М., 1974 (*Materialy po istorii russko-mongol'skih otnosheniy 1636—1654: Sbornik dokumentov. M., 1974*).
- Моисеев, 1991: *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII—XVIII вв.). Алма-Ата, 1991 (*Moiseyev V. A. Dzhungarskoye khanstvo i kazakhi (17—18 vv.). Alma-Ata, 1991*).
- Мэнгу минцзу, 2002. IV
蒙古民族通史. 第四卷. 呼和浩特, 2002. Мэнгу минцзу тунши. Ди сы цзюань. Хух-хото, 2002 (*Menggu minzu tongshi. Di sijuan. Huhahaote, 2002*) (Общая история монгольской нации. Т. 4. Хух-Хото, 2002) (*Obshaya istoriya mongol'skoj natsii. Tom 4. Huh-Hoto, 2002*).
- Норбо, 1999: *Норбо Ш.* Зая-пандита (материалы к биографии): Пер. со старомонг. Элиста, 1999 (*Norbo Sh. Zayapandita (materialy k biografii): Per. so staromong. Elista, 1999*).
- Очир, 1992: *Очир А.* Ламаизм в ойратском обществе (XVII—первая половина XVIII в.) // Средневековая культура монгольских народов. Новосибирск, 1992 (*Ochir A. Lamaizm v oiratskom obshestve (17—pervaya polovina 18 v.) // Srednevekovaya kul'tura mongol'skih narodov. Novosibirsk, 1992*).
- Потанин, 1868: *Потанин Г. Н.* О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1868. Кн. 2 (*Potantin G. N. O karavannoi torgovle s Dzhungarskoj Bukhariee v 18 stoletii // Chteniya v imperatorskom obshestve istorii i drevnostei Rossiyskih pri Moskovskom universitete. M., 1868. Kn. 2*).
- Пурэвдорж, 1978: *Пурэвдорж С.* Монгол дахь шарын шашны хурангуй түүх. Улаанбаатар, 1978 (*Purevdorzh S. Mongol dah sharyn shashny hurangui tyuh. Ulaanbaatar, 1978*).
- Пюрвеев, 1975: *Пюрвеев Д. Б.* Архитектура Калмыкии. М., 1975 (*Puryevyev D. B. Arkhitektura Kalmykii. M., 1975*).
- Риттер, 1859: *Риттер К.* Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредственных отношениях с Россиею, т. е. Китайской империи, независимой Татари, Персии и Сибири / Пер. с доп. П. Семенова. Т. 2: Горная система Небесного хребта (Тянь-Шаня), пространство между Тянь-Шанем и Алтаем. СПб., 1859 (*Ritter K. Zemlevedeniye Azii. Geografiya stran, nahodyashihya v neposredstvennyh otnosheniyah s Rossieyu, t. e. Kitaiskoi imperii, nezavisimoi Tatarii, Persii i Sibiri / Per. s dopolneniyami P. Semyenova. T. 2: Gornaya sistema Nebesnoy hrebta (Tian-shanya), prostranstvo mezhdru Tian-shanem i Altaem. SPb., 1859*).
- Слесарчук, 1973: *Слесарчук Г. И.* Новые данные о городках Джунгарского ханства // Олон улсын монголч Эрдэмтний II их хурал. II боть. Улаанбаатар, 1973 (*Slesarchuk G. I. Novye dannie o gorodkah Dzhungarskogo khansta // Olon Ulsyn Mongolch Erdemtnyi 2 ih hural. 2 bot'. Ulaanbaatar, 1973*).
- Чжуньгаэр шилуэ, 2007: 准葛尔史略. 桂林, 2007.
Чжуньгаэр шилуэ. Гуйлинь, 2007 (*Zhungaer shilue. Guilin, 2007*) (Очерки по истории джунгаров. Гуйлинь, 2007) (*Ocherki po istorii jungarov. Guilin, 2007*).
- Черников, 1960: *Черников С. С.* Памятники архитектуры ойрат-калмыков // Зап. Калмыцкого НИИ яз., лит. и ист. Калмыцкой АССР. Вып. 1. Элиста, 1960 (*Chernikov S. S. Pamyatniki arkhitektury oirat-kalmykov // Zapiski Kalmytzkogo NII yazyka, literatury i istorii Kalmytzkoi ASSR. Vyp. 1. Elista, 1960*).
- Chayet, 2004: *Anne Chayet.* Architectural wonderland: an empire of fictions // *New Qing Imperial History: The making of Inner Asia empire at Qing Chengde.* London and New York: Routledge Curzon, 2004. P. 33—52.
- History of Civilization, 2003: *History of civilization of Central Asia. Vol. V.* Paris: Unesco, 2003.
- Perdue, 2005: *Perdue P. C.* China Marches West: the Qing conquest of Central Eurasia. London: The Belknap press of Harvard University press, 2005.
- Rogers, Ulambayar, Gallon, 2005: *Rogers Daniel J., Ulambayar Erdenebat and Gallon Mathew.* Urban centre and the emergence of empires in Eastern Inner Asia // *Antiquity* 79 (2005). P. 801—818.

D. G. Kukeev Of the settled Oirat settlements on the territory of Eurasia

There is an information about the features of Oirat stationary settlement's buildings during the period of the Late Middle Age in the article. These buildings were constructed on the lands of nomadic Oirats and for Oirats, which were represented by the disappeared in 18 century nomad people of Zungar Khanship and Kalmyks, who living in the south part of Russia.

Key words: Oirat, «towns», buildings, nomads, Central Asia.